

Виктору Курочкину выпала до крайности нелёгкая судьба: и писательская, и человеческая. Точная дата его рождения (как и у многих крестьянских детей) неизвестна: по документам 1923, по свидетельству жены – 1924. Начало войны застало его почти подростком в блокадном Ленинграде. «Сестра с матерью эвакуировались к родственникам в Ярославль. Я с отцом остался в осаждённом Ленинграде. Работал на заводе шлифовальщиком. Работа у меня была несложная: обтачивал зенитные снаряды. В конце января 1942 года умерли отец и тётка, у которой мы жили. Я остался один», – вспоминал писатель.

Дальше – крайнее истощение и эвакуация по «Дороге жизни» через Ладогу, продолжительное лечение от дистрофии. Но вот вчерашний мальчишка встал в армейский строй, и уже в июне 1943 г., по окончании Ульяновского гвардейского танкового училища, лейтенант Курочкин назначен командиром СУ-85 самоходного артполка. Участвовал в битве на Курской дуге, освобождении Левобережной Украины, форсировании Днепра, взятии Киева, а затем и Львова. В конце января 1945 года получил тяжелое ранение при переправе через Одер.

На рубеже 1940-50-х Курочкин два года прослужил народным судьёй в посёлке Уторгош Новгородской области, а затем стал журналистом в газетах «Ленинградская правда» и «Смена». Вспоминая судебские будни, писатель напишет повесть «Записки народного судьи Семена Бузыкина» (три десятилетия дожидавшуюся выхода к читателю сквозь цензурные препоны); а журналистская работа, видимо, свела его с прототипами замечательной, но, увы, оставшейся неоконченной повести «Железный дождь».

В центре внимания писателя Курочкина неизменно оказывается рядовой, с виду ничем не выдающийся человек, подчёркнуто обыкновенный. Это и Богдан Сокрытин из «Железного дождя», и Митька Локотков из «Короткого детства», и Саня Малешкин из «На войне как на войне». Конечно, герои Курочкина порой невольно напоминают то о капитане Тушине, то о Пете Ростове из романа Льва Толстого, но всё-таки и Тушин, и Петя – второстепенные персонажи грандиозной эпопеи, а здесь они выходят на первый план.

Курочкин показывает «окопную», точнее танковую и самоходную, правду войны, ничуть не утаивая её кровавых и тёмных сторон:

«Рукопашная шла уже по всей линии обороны. И немцы, и русские дрались с яростью обречённых. Рассудок, казалось, покинул этих людей. Глухие удары, ругань, стон раненых, хрип умирающих – всё смешалось. Били прикладами, кулаками, душили, кололи штыками, ножами – убивали всем, чем только можно убить. От крови стало сыро, и запах её ещё больше распялял солдат». Однако даже эти эпизоды выписаны так, что не разрушают душу, а по-особому настраивают её. Как музыкальный инструмент, который не должен издать ни одного фальшивого звука.

В Союз писателей Курочкина долго не принимали. А в 1960-х велась критическая атака на его произведения (прежде всего самое популярное – «На войне как на войне»), шли горячие споры о том, имеет ли право на жизнь в литературе такая точка зрения на Великую войну? Выстоять под критическими атаками порой бывает не менее сложно, чем под вражеским огнём. Однако война беспощадно выкосила рождённых в 1923-1925 годах. Из миллионов выжили десятки тысяч. Тем острее и необходимее было высказаться от имени своего поколения, донести всем его сокровенную правду.

В «На войне как на войне» автор очень точно и художественно оправданно показал именно те три дня из жизни Малешкина, когда происходит его становление как командира. Когда он пробует самые разные подходы к своим подчинённым, бывалым бойцам, ищет и находит с ними человеческий контакт и обретает своё место в тесном кругу других офицеров – это книга воспитания с трагическим финалом.

Поэт-фронтовик Сергей Орлов охарактеризовал повесть так: «В военной прозе самое трудное ощутить в себе и сохранить потом на бумаге баланс красоты воинской героики, воинского братства, с одной стороны, и ужас, грязь, мерзость войны – с другой. Вот это сложнейшее балансирование удавалось Виктору Курочкину замечательно. И только потому удавалось, что он был солдатом, ибо только солдат способен пройти по проволоке между военным романтизмом и натурализмом и не покачнуться».

По столь же тонкой моральной линии проходят, не оступившись, и юные герои прекрасной повести «Короткое детство»: Митька Локотков, Стёпка Коршун и Лилька Махонина. В этом им нередко помогают простодушие, внутренняя чистота и сострадание друг другу.

К сожалению, никакие замечательные качества и близкие люди не выручили самого Курочкина, когда в 1968 году случилось непоправимое. «Виктора Александровича Курочкина дико избили в милиции. Пьяненького. Инсульт <...> В шестьдесят девятом году Виктор Курочкин перенёс инфаркт и инсульт. У него парализовалась правая рука, и отнялась речь, читать он тоже не мог», – с болью вспоминал писатель и близкий друг Виктор Конецкий. Курочкин умер через семь лет после избиения. Его главная книга «Железный дождь» осталась недописанной...

Вдова писателя Галина Нестерова-Курочкина вспоминала о таком характерном случае: «Взгляд папы <незнакомого отца семейства, гулявшего по кладбищу>¹

¹ Примечание автора

перекинулся на памятник Курочкину, он запнулся и вдруг совершенно другим, живым голосом спросил:

– Это наш Курочкин?

И вот тут махровое собственническое вскипело во мне...

– В каком смысле... – я чуть было не выпалила ехидно: «ваш», но что-то всё-таки удержало меня. Быть может, уже возникшая симпатия к «хорошему папе» или его глаза, с неподдельным интересом остановившиеся на моём лице. Я повторила его местоимение – «наш». А в душе всё кричало: мой, мой, мой!

– Ну, наш, ленинградский, – ничего не заметив, уточнил хороший папа, – тот, что «На войне как на войне»?»

Многие люди, прочитав повести и рассказы Курочкина, готовы принять его, готовы назвать «своим», «нашим» и – всенародным. Потому что в его творчестве борются и побеждают не безупречные супермены, а простые – в чём-то вовсе простецкие – люди, порой смешные и неловкие в мелочах, но оттого особенно трогательные и дорогие читателю. Такие, как и сам автор.

